

Министерство образования Российской Федерации
РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.Л. Григорьян

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА
ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА

(пособие по курсу “Введение в языкознание” для студентов 1 курса
отделения романо-германской филологии)

Ростов-на-Дону
2002

Печатается по решению кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики РГУ

Рецензент – доктор филологических наук, профессор В.И. Дегтярев.

Введение

Данное пособие предназначено для студентов I курса отделения романо-германской филологии (курс “Введение в языкознание”) и может также использоваться студентами 5 курса ОЗО при изучении темы “Лексическое значение слова” в курсе “Общее языкознание”. В пособие включены темы, недостаточно и неполно представленные в существующих учебниках.

Следует иметь в виду, что в лингвистической литературе нет полного единообразия в употреблении терминов “денотат”, “сигнификат” и “коннотации”, и в некоторых источниках можно встретить иные трактовки данных понятий.

При изучении темы студентам следует не ограничиваться запоминанием приводимого в пособии фактического материала, **необходимо самостоятельно подбирать примеры** по всем положениям из русского и изучаемого иностранного языка.

Задания и литература к семинарам даются в пособии: Е.Л. Григорьян. Задания к практическим занятиям по курсу “Введение в языкознание”. Часть II. Ростов-на-Дону, 2000. (для 5 курса ОЗО: Е.Л. Григорьян. Задания по курсам “История языкознания” и “Общее языкознание”. Ростов-на-Дону. 1998).

Лексическое значение слова

Слово как единица языка имеет несколько аспектов. Во-первых, каждое слово имеет определенный звуковой облик – фонетический аспект; во-вторых, большинство слов указывают на какой-либо предмет или явление действительности – с этим связано лексическое значение слова; в-третьих, с каждым словом связан определенный набор синтаксических функций и связанный с ними набор грамматических форм (если слово изменяемое) – грамматический аспект.

Лексическое значение, в свою очередь, довольно сложное и многоаспектное образование, отдельные стороны которого будут рассмотрены далее.

I. Денотативный аспект (предметная отнесенность)

Каждое слово в типичном случае что-то **обозначает**, то есть является **названием** какого-либо предмета, или *реалии* (то есть объекта реального мира). Под предметом подразумевается не только вещь или живое существо, но также ситуация, положение дел (например, *война, ужин*), качество (*белизна, белый*), процессы (*строительство, распад*) и т.д. Предмет, обозначаемый данным словом, называется **денотат** (является денотатом данного слова); термин был заимствован из логики (лат. *denotatum* от *denotare* – обозначать, указывать). Употребляется также термин *предметная отнесенность*.

Некоторые слова – имена собственные – являются названиями единичных, уникальных объектов (*Солнце, Париж, Волга* и т.д.); однако большинство слов представляют собой **общие названия** для целого **класса** подобных объектов. Так, слово *город* (в отличие от слова *Париж* или *Москва*) служит названием не одного конкретного города, а любого из городов; слово *книга* не является названием только какой-либо одной конкретной книги, а любого объекта из класса книг.

Примечание 1. Следует различать термины **денотат** и **референт**. **Денотат** – это класс предметов, к каждому из которых п о т е н ц и а л ь н о приложимо данное слово. **Референт** – это конкретный предмет, называемый данным словом в данном конкретном высказывании. Так, например, в предложении *Закрой книгу!* слово *книга* относится не к целому классу книг, а к той реальной конкретной книге, которую в данном случае просят закрыть и которая в данном высказывании и является референтом слова *книга*. В других высказываниях это же слово будет указывать на иные книги, то есть на другие референты. (Но, например, в предложении *Книга – источник знаний* слово *книга* употреблено *нереферентно*, то есть оно не

относится к какой-либо определенной реально существующей книге). Иначе говоря, денотат – это потенциал слова, задающий границы его возможных употреблений, то есть приложений к предметам и ситуациям.

Задание 1. (дополнительное). Приведите примеры референтных и нереферентных употреблений одних и тех же слов.

Некоторые слова называют объекты, не существующие в реальности, такие как *русалка, кентавр, инопланетянин* и тому подобные названия фантастических существ и явлений. Такие слова имеют **фиктивный**, или **пустой денотат**. Денотатом подобных слов являются представления людей о соответствующих предметах.

Кроме того, существуют такие слова, как *справедливость, свобода, успех, умный, прогрессивный* и т.п. По-видимому, невозможно четко и однозначно очертить круг ситуаций, к которым эти слова приложимы. Очевидно, что разные люди называют этими словами разные ситуации, в зависимости от своих собственных представлений о свободе, справедливости, успехе и т.д. То, что один человек сочтет за свободу, другой воспримет иначе; то, что один человек оценит как справедливость, другой может расценить как несправедливость, и т.д. Слова такого рода имеют **размытый**, или **диффузный денотат**.

Наконец, для некоторых слов денотат вообще не может быть определен, даже приблизительно. Таковы междометия – они ничего не называют. Таковы многие слова с ярко выраженным эмоционально-оценочным значением. Слова типа *драндулет, гадость* не имеют денотата, то есть невозможно хотя бы приблизительно указать круг предметов, к которым эти слова приложимы. Эти слова ничего не обозначают, но нельзя сказать, что ничего не значат: значение не сводится к указанию на предмет.

Задание 2. Приведите примеры слов с пустым (фиктивным) денотатом; с размытым (диффузным) денотатом; слов, для которых невозможно указать денотат.

II. Понятийное содержание (сигнификативный аспект)

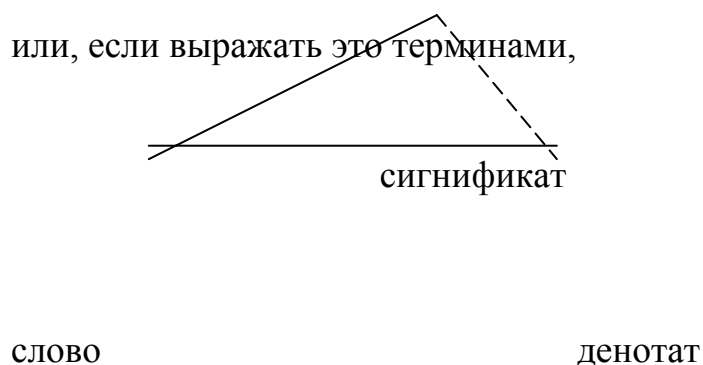
Содержание слова (если это не имя собственное и не местоимение) не исчерпывается указанием на какой-либо объект. Слово не только обозначает, но также содержит в себе некое понятие о называемом предмете. Это видно на примере слов *шпион* и *разведчик*. Они называют одну и ту же профессию, но по-разному ее представляют: *шпион* как чуждое и подлое (ср. *шпионить*), а *разведчик* – как героическое и “наше”. Таким образом, эти слова, являясь **синонимами по денотату**, различаются по сигнификату, то есть с понятийной стороны. Такая же синонимия по денотату с расхождением сигнификатов наглядна и во многих словосочетаниях: *без двадцати шесть* и *пять сорок* называют одно и то же время, но представляют его по-разному,

через разные понятия. Еще один наглядный пример: прежде Министерство обороны США называлось War Department (то есть министерство войны), а впоследствии было переименовано в Defense Department. Естественно, министерство осталось тем же, то есть денотат этих двух наименований один и тот же, но их содержание явно не одинаково: в первом случае учреждение связывается с войной, а война воспринимается как нечто плохое, в то время как оборона – это нечто нужное и позитивное; этим и объясняется переименование.

Во всех этих примерах явно проступают два аспекта слова: с одной стороны, слово называет какой-либо предмет, с другой – содержит понятие об этом предмете. Таким образом, выстраивается схема:

или, если выражать это терминами,

Эта схема называется **семантическим треугольником**.

Связь слова и понятия отмечается еще со времен античности.

Понятие – это обобщенное знание о каком-либо объекте. Логическое понятие включает в себе все существенные признаки объекта и не включает несущественных. Такими понятиями оперирует наука, и такие понятия составляют значение терминологической лексики.

Лексическое значение слова также представляет собой понятие, но, как указал еще академик Л.В. Щерба, не научное, а “*наивное*”, “*обывательское*” *понятие*, “отягощенное предрассудками и ассоциациями”. Так, в геометрии прямая линия – это “кратчайшее расстояние между двумя точками”, однако в обычном повседневном языке мы называем прямой линией, “которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)”, как это определяет Л.В. Щерба. Таким образом, из языка можно вывести “наивную геометрию”, “наивную анатомию”, “наивную астрономию” и т.д.

Например, *сердце* в русском и во многих других языках воспринимается (вне медицинских текстов) не как орган кровообращения,

имеющий определенную структуру, а как место локализации чувств, прежде всего добрых: *у этого человека доброе сердце, у него нет сердца, в сердце шевельнулась жалость, навсегда сохранить в своем сердце* и т.д. Или, например, в химии вода – это вещество, определяемое формулой H_2O , в то время как для носителя языка *вода* – это прозрачная жидкость, употребляемая для питья, мытья и т.д.; примечательно, что то вещество, которое носители языка называют водой, с точки зрения химии вообще таковой не является, а представляет собой смесь разных веществ. Такое расхождение вполне объяснимо: оно обусловлено нуждами повседневной жизни и повседневным опытом людей.

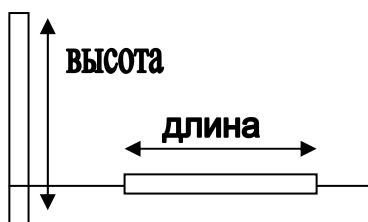
Следует отметить некоторые главные отличия “наивного понятия”, то есть лексического значения слова, от научного (логического) понятия.

Во-первых, научное понятие четко и точно, а “наивное” понятие приблизительно. Это видно в приведенных выше примерах слов *прямая* и *вода*. Научное понятие включает в себя существенные признаки объекта, а лексическое значение слова подразумевает только самое общее представление. Так, и научное представление о собаке, и лексическое значение слова *собака* отвлекаются от таких второстепенных признаков, как цвет, размер, порода, черты характера и т.п., так как независимо от вариаций этих признаков животное является (или не является) собакой, однако набор существенных признаков, подразумеваемых научным и “наивным” понятием, не одинаков: для научного понятия важна принадлежность собаки к определенному роду и виду и вытекающие из этого признаки; для лексического значения слова *собака* все это не важно – оно опирается на общие признаки внешнего облика, и на роль в жизни человека. Точно так же в химии понятие *алкоголь* определяется формулой строения молекулы и вытекающим из нее набором физических и химических свойств алкоголей; за пределами химии значение слова *алкоголь* опирается на совершенно несущественный для химии признак – опьяняющее воздействие на человека.

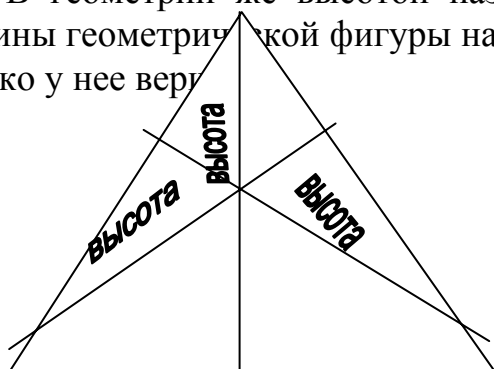
Во-вторых, научное понятие стремится к объективности, а лексическое значение **антропоцентрично**, то есть человек является главным ориентиром, исходной точкой отсчета. Это наглядно проявляется на примере “наивной астрономии”. Если в научной астрономии небесные тела подразделяются на звезды и планеты, то в языке отражена другая картина звездного неба: Солнце, Луна и звезды. С точки зрения научной астрономии Солнце является звездой, Луна – планетой, а то, что мы называем звездами, включает как настоящие звезды, так и планеты. Причина несовпадения языковой и научной картины звездного неба в том, что в языке отражен взгляд человека с Земли: планеты и звезды выглядят одинаково, если смотреть на них с поверхности Земли невооруженным глазом, а Солнце и Луна заметно от них отличаются и к тому же играют заметную роль в жизни человека.

В “наивной геометрии” высотой называется измерение, отражающее расстояние от поверхности Земли; например, столб или бревно, вкопанное в

землю, имеют высоту, а если то же самое бревно лежит на земле, то соответствующее измерение называется уже не высотой, а длиной.

В геометрии же высотой называется перпендикуляр, опущенный из вершины геометрической фигуры на ее основание, и высот у фигуры столько, сколько у нее вершин.

Кроме того, в геометрии высота остается высотой, даже если расположена в горизонтальной плоскости; в языке высота – только вертикальное измерение. Все это объяснимо: геометрия описывает характеристики фигур, отвлекаясь от таких привходящих обстоятельств, как положение относительно поверхности земли, так как это ничего не меняет в свойствах самих фигур. Для человека же в его повседневной жизни для ориентации в пространстве важно положение относительно поверхности земли и относительно его самого. Такие слова как *направо, налево, вперед, назад* и др. напрямую характеризуют пространство относительно человека; если он повернется, то *направо* будет уже с другой стороны. Или, например, один и тот же контейнер может быть назван *высоким* и *глубоким* в зависимости от того, из какой точки на него смотрит человек: если сбоку, то контейнер *высокий*, а если заглядывает в него сверху, то *глубокий*.

В-третьих, научные понятия универсальны, то есть являются общими для всего человечества, а лексические значения **различны в разных языках**. Так, упомянутое выше представление о сердце как месте локализации чувств характерно для многих языков, но далеко не для всех. В некоторых языках эти смыслы связаны не с сердцем, а с печенью. К.И. Чуковский в книге

“Высокое искусство” (об искусстве перевода) приводит дословный перевод из узбекской классической поэзии (поэт обращается к возлюбленной):

“О долго ль будешь красотой ты ранить *печень* мне?”

В русском языке в аналогичном контексте было бы уместно слово *сердце*. В китайском же языке функции места локализации чувств распределены между сердцем и почками.

Кроме того, многие слова не только указывают на определенные признаки обозначаемого предмета, но также выражают **эмоциональное отношение** к предмету и его **оценку**.

Так, например, слово *внученька* является ласкательным, в отличие от *внучка*, которое выражает то же понятие, но не указывает на отношение говорящего; слово *бумажонка* имеет пренебрежительный оттенок помимо того, что называет определенный предмет, как и слово *бумага*. Глагол *шляться* содержит отрицательную оценку, является сниженным, в отличие от нейтрального *ходить*. Слово *воин* является возвышенным, *солдат* – нейтральным, а *вояка* – ироническим наименованием.

Следует помнить, что слова разных языков, которые рассматриваются как эквиваленты и иногда даже непосредственно связаны по происхождению, могут различаться оценочным компонентом значения: так, русское слово *амбициозный* содержит в себе негативную оценку, в отличие от английского *ambitious*, нейтрального в оценочном плане, то есть оно может трактоваться в зависимости от контекста и как отрицательное, и как положительное, (приблизительно) ‘смело ставящий большие задачи’. Немецкое слово *fabrizieren*, в отличие от русского *фабриковать*, не несет обязательного негативного смысла.

Есть слова, значение которых исчерпывается выражением оценки или эмоций; они не содержат никаких иных сведений о предмете; таковы уже упоминавшиеся слова типа *гадость*, *пустяк*, бранная лексика и др.

III. Коннотации

Помимо предметной отнесенности и понятийного содержания, со словом могут быть связаны некоторые устойчивые смысловые ассоциации, или коннотации (букв. “со-значения”) Так, в русском языке слово *свинья* ассоциируется с грязью, что проявляется в переносном употреблении этого слова, а также в производных словах: *свинство*, *свинский*, *по-свински*, просторечное *свинячить* и т.д. *Лиса* ассоциируется с хитростью, *лакей* с угодливостью и т.д. Необходимо обратить внимание, что коннотации связаны именно **со словами, а не с обозначаемыми предметами**. Достаточно сравнить русские слова *осел* и *ишак*, обозначающие одно животное, но имеющие разные коннотации: с *ослом* ассоциируется глупость и упрямство (ср. переносное значение слова *осел*), а с *ишаком* – готовность много и безропотно работать (ср. *ишачить*).

Слова, называющие одни и те же предметы, в различных языках имеют разные коннотации. Так, в русском языке *змея* ассоциируется с коварством и злобой (ср. *пригреть змею*; или у Грибоедова: “*Не человек – змея!*”); в китайском же языке змея ассоциируется с красотой, и сравнить женщину со змеей значит указать на ее красоту. Или, например, в русском языке *болото* ассоциируется с застоем и гниением, в то время как в финском языке ассоциации совершенно другие: один финский лингвист даже сравнил родной язык с болотом, где, как попавшие в болото сучья деревьев, веками сохраняются древние формы; то есть в финском языке *болото* – это нечто хорошее, не место гниения, а место сохранения.

В разных языках сходные коннотации могут связываться со словами с разными лексическими значениями. Так, в русском языке *лиса* ассоциируется с хитростью, а в болгарском языке те же коннотации связываются с волком. В русском языке *хлеб* – не просто название изделия из теста, хлеб прежде всего основной продукт питания: *не иметь куска хлеба, зарабатывать на хлеб, отбивать хлеб, чужой хлеб горек*. В японском языке (где слово со значением ‘хлеб’ существует) те же ассоциации закреплены за словом со значением ‘рис’: (букв.) “*зарабатывать на рис*”, “*чужой рис колючий*” и т.д. В эскимосском языке тоже есть слово со значением ‘хлеб’, но характерно, что эскимосы хлеба практически не едят. Поэтому, когда миссионеры переводили Новый завет на эскимосский язык, возникли трудности с переводом молитвы “Отче наш”, где есть слова: “*Хлеб наш насущный дай нам на сей день*”; переводчики были вынуждены прибегнуть к замене: “*Рыбу нашу насущную...*”. Таким образом, в некоторых текстах коннотации могут быть важнее, чем собственно лексическое значение слова, и переводчик должен это учитывать.

Как видно из последнего примера, некоторые коннотации объясняются особенностями жизни и культурой народа.

Лексикологи обычно не включают коннотации в лексическое значение слова, так как они присутствуют далеко не при любом употреблении слова. Поэтому возможны такие сочетания, как *чистенький поросенок, добрая мачеха, умный осел* и т.д.

Примечание 2. Термин “коннотация” по-разному употребляется у разных авторов. В литературе также встречается употребление этого термина в смысле “эмоционально-оценочный элемент значения” (то, что было рассмотрено в предыдущем разделе).

Лексика как система

Фердинанд де Соссюр определял язык как систему, в которой “все взаимосвязано, взаимозависимо и взаимно обусловлено”. Каждый элемент полностью определяется своим местом в системе. Системная организация наблюдается на всех уровнях языка, но лексическая система устроена иначе,

чем фонологическая и морфологическая, и обнаружить ее не так просто. Если в любом языке набор фонем относительно невелик (не более 80) и набор грамматических показателей также ограничен, то лексический состав языка полностью не известен никому: ни один носитель языка не владеет его словарным запасом в полном объеме. К тому же лексика, в отличие от фонологии и грамматики, меняется очень быстро; это самая подвижная часть языка, и любой человек в течение своей жизни становится свидетелем появления и исчезновения многих слов. Однако нельзя считать, что каждое из таких изменений перестраивает в с ю лексическую систему.

Лексическая система представляет собой множество **подсистем**, то есть более мелких систем, объединяющих группы слов, связанных по значению. Рассмотрим далее основные типы подсистем и связанных с ними внутрисистемных отношений в лексике.

I. Типы отношений в лексике

1. Синонимия. Синонимический ряд представляет собой систему, все члены которой зависят друг от друга. Это проявляется в нескольких тенденциях языка. Во-первых, в языках достаточно редки полные синонимы – они просто избыточны, так как дублируют друг друга. Поэтому если в языке сталкиваются два полных синонима, они обычно впоследствии расходятся или по значению, или стилистически.

Так, в русском языке существует целый пласт старославянизмов, то есть слов, пришедших из старославянского языка. В результате возникли русские и старославянские дублеты, то есть полные синонимы, как, например, *ворота* – *врата*, *золото* – *злато*, *голова* – *глава*, *невежа* – *невежда*, *волочить* – *влечь*, *порох* – *прах*. Впоследствии эти синонимы разошлись либо по значению (*невежа* – *невежда*, *волочить* – *влечь*, *порох* – *прах*), либо стилистически (*ворота* – *врата*, *золото* – *злато*, *житьё* – *житие*); как видно из примеров, старославянизмы обычно образуют возвышенную лексику, а исконно русские слова являются либо нейтральными, либо сниженными.

Можно привести аналогичный пример из истории английского языка. В англосаксонском существовали слова *cow* ‘корова’, *sheep* ‘овца’, *swine* ‘свинья’. Норманские завоеватели принесли с собой соответствующие старофранцузские названия *beef*, *mutton*, *pork*. В последствии англосаксонские и норманские слова разошлись по значению: *cow*, *sheep* и *swine* стали обозначать только живых животных, а норманские *beef*, *mutton*, и *pork* – мясо этих животных, соответственно говядину, баранину и свинину.

Во-вторых, системность синонимических отношений выражается в явлении *синонимической аналогии*, или *синонимической иррадиации*: при приобретении переносного значения одним из синонимов происходит аналогичный сдвиг в значении других членов синонимического ряда. Например, русское слово *бить* получило значение ‘стрелять’; другие

глаголы–синонимы *бить* (*лупить, колотить, колошматить* и др.) также стали употребляться в значении ‘стрелять’.

2. Антонимия. Антонимы относятся к синонимическим средствам языка, и на них распространяется явление, аналогичное синонимической иррадиации. Часто (но далеко не всегда!) новые значения появляются параллельно у обоих членов антонимической пары. Так, слова *холодный* и *теплый*, помимо своего исходного температурного значения обнаруживают параллелизм и в некоторых других значениях: *холодные тона – теплые тона, холодный прием – теплый прием*. Точно так же члены антонимической пары *длинный – короткий*, имеющие первичное пространственное значение (*длинный коридор – короткий коридор*) оба приобрели временное значение (*длинная лекция – короткая лекция*).

3. Омонимия. На первый взгляд может показаться, что лексическая омонимия – чисто внешнее явление, результат случайного совпадения. Однако язык терпит далеко не всякую омонимию. Омнимы в языке не смешиваются и не мешают пониманию, только если употребляются в разных контекстах, в сочетаниях с разными словами. В иных случаях возникает **омонимический конфликт**, и один из омонимов вынужденно уходит из языка. Например, в некоторых южнофранцузских говорах слова со значениями ‘кот’ и ‘петух’ совпали в одинаковом звучании [gat] в результате фонетической эволюции латинских слов *cattus* ‘кот’ и *gallus* ‘петух’. В результате [gat] в значении ‘петух’ было утрачено и заменено словами другого происхождения.

Аналогичный пример из истории английского языка. В среднеанглийском было слово *quean* ‘женщина’, которое позднее приобрело значение ‘женщина легкого поведения’, ‘проститутка’. В результате более поздних фонетических изменений это слово совпало по звучанию со словом *queen* ‘королева’. Такая омонимия в языке недопустима, и слово *quean* ушло из языка.

4. Гипонимия, то есть отношение какого-либо значения как видового к другому, родовому. Так, слова *овчарка, пудель, борзая*, являются **гипонимами** к слову *собака*, которое по отношению к ним является **гиперонимом**, то есть родовым названием. Слово *собака* в свою очередь является гипонимом к слову *животное*.

Гипо-гиперонимические отношения различны в разных языках и меняются исторически и в пределах одного языка. Так, в средневерхненемецком языке животные подразделялись на следующие классы:

- vihe* – общее название домашних животных;
- tier* – общее название для четвероногих диких зверей;
- vogel* – общее название птиц, бабочек, пчел, мух;

wurm – общее название змей, драконов, пауков, гусениц;
 visch – общее название рыб, китов и т.п.

Таким образом, все животные подразделялись на бегающих, летающих, ползающих и плавающих; интересно, что при этом отсутствовало общее родовое название “животное”. В современном же немецком языке классификация животных аналогична русской.

Таким образом, в языках представлены разнообразные классификации предметов и явлений, отличающиеся от научных классификаций.

С развитием языка формируются новые родовые понятия, и таким образом достраиваются гипо-гиперонимические отношения. Так, в русском языке в XVIII веке появляется родовое название *мебель*, которое становится гиперонимом для слов *стол, кровать, диван* и т.д., еще позднее возникают наименования *головной убор* (как гипероним слов *шляпа, шапка, кепка, берет* и др.); *торговая точка* (как гипероним слов *магазин, лоток, ларек* и т.д.); *транспорт* (гипонимами которого становятся *поезд, трамвай, автомобиль* и др.).

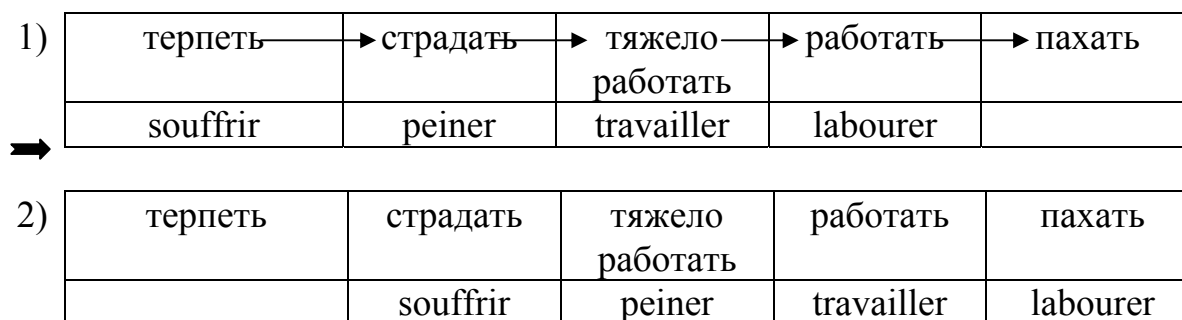
Задание 3. Приведите примеры гипонимов и гиперонимов.

5. Лексическая сочетаемость. Каждое слово языка может сочетаться далеко не с любым другим словом, даже если смыслы этих слов совместимы. Сочетаемость некоторых слов жестко ограничена. Так, слово *вороной* сочетается только со словами, обозначающими лошадей; в русском языке невозможны сочетания типа **вороная собака*. Возможно сочетание *карие глаза*, но не **карие волосы*, даже если волосы подходящего цвета; возможно сочетание *стая птиц* или *стая волков*, но не **стая коз*.

По-английски к высокому человеку или, например, к жирафу применимо прилагательное *tall*, а к высокому зданию, стене или горе уже другое слово – *high*. По-русски говорят *дождь идет, снег идет*, а по-японски (букв.) “*дождь/снег падает*”; по-русски – *сидеть в тюрьме*, а по-болгарски, так же как и по-английски, (букв.) “лежать в тюрьме” - *to lie in prison*; по-русски – “*принять решение*”, по-французски *prendre une décision*, то есть букв. “взять решение”, по-английски – *to make a decision* “сделать решение”, возможно также *to take a decision* (“взять”). Таким образом, для того, чтобы построить правильное словосочетание, недостаточно знать лексические значения слов.

6. Тематические группы (иначе – лексико-семантические группы, сокращенно - ЛГС) объединяют слова, связанные по значению, то есть относящиеся к одной предметной или понятийной области. Примерами таких групп могут быть названия животных, названия овощей, названия видов спорта, термины родства, глаголы движения и т.д. В памяти носителя языка каждое слово связано с серией других слов, поэтому при изучении

иностранный язык слова обычно изучаются не по отдельности, а в рамках более общих тем. Так, английское слово Monday (понедельник) изучается не само по себе, а вместе с названиями других дней недели Tuesday, Wednesday и т.д. Каждое слово внутри ЛСГ зависит от других: изменения одного слова ведут к сдвигу значений других слов, с ним связанных. Например, в старо-французском языке были глаголы *souffrir*, который значил ‘терпеть’, *peiner* – ‘страдать’, *travailler* – ‘работать с трудом’, ‘долго и упорно трудиться’ и *labourer* – ‘работать’ (глаголы даны в современном написании). Позднее глагол *souffrir* приобрел значение ‘страдать’ и вытеснил в этом значении глагол *peiner*, который в свою очередь, получил значение ‘тяжело работать’; глагол *travailler*, вытесненный таким образом из своей области, стал значить просто ‘работать’, а глагол *labourer*, прежде имевший это значение, приобрел более узкое значение ‘пахать землю’. Таким образом, сдвиг в значении одного глагола в конечном итоге привел к сдвигу всей цепочки. Схематично это можно представить так :

В семантике (то есть в исследовании значений) также используется термин **поле**. В лексикологии полем называется любая группировка слов, связанных по значению. Все рассмотренные выше виды подсистем могут считаться полями. Каждое слово, как правило, является элементом нескольких подсистем. Так, например, слово *овца* может рассматриваться как элемент подсистемы, куда также входят слова *баран*, *ягненок*, *отара*, *блеять* и т.п.; это же слово является элементом другой подсистемы – “названия самок животных”, наряду со словами *корова*, *медведица*, *слониха*, и т.д.; это же слово входит в ЛСГ “домашние животные”.

Своеобразие национальных лексических систем

Нетрудно убедиться, что лексические системы разных языков не совпадают. Достаточно обратиться к любому двуязычному словарю, чтобы увидеть, что между словами разных языков нет однозначных соответствий: каждому русскому слову соответствует не одно, а несколько слов другого языка, и наоборот.

Л.В. Щерба в предисловии к русско-французскому словарю приводит ряд подобных примеров: “... по-русски мы скажем *хорошенькая женщина*,

красивая женщина (конечно, с оттенками), по-французски – *une jolie femme* и в том и в другом случае, так как *une belle femme* будет соответствовать совершенно особому оттенку сочетания *красивая женщина*; по-русски мы скажем *красивая картина, красивое дерево*, а по-французски – *un joli tableau*, но *un bel arbre*; по-русски – *прекрасное яблоко*, а по-французски – *une belle pomme*, если одно красивое, *une pomme excellente*, если оно превосходное, вкусное, но и *cette pomme est bonne*, если оно вкусное... Примеры можно умножать до бесконечности, но и приведенных достаточно для того, чтобы наглядно показать тот факт, что слова одного языка в большинстве случаев не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях”.

В лингвистике обычно сравнивают не отдельные слова и не лексические системы в целом, а отдельные подсистемы (поля) в разных языках.

Отметим некоторые типичные расхождения в структуре семантических полей в разных языках.

1) Разная степень детализации. Одна и та же смысловая (предметная, понятийная) область может быть представлена в отдельных языках в разной степени подробно, то есть может по-разному члениться на более мелкие значения. Так, русскому слову *рука* соответствуют два английских слова с более частными значениями: *hand* (кисть) и *arm* (выше кисти); аналогично в немецком *Hand, Arm*, во французском *main, bras*. Точно так же русскому общему названию *нога* соответствуют английские *foot* (стопа) и *leg*, нем. *Fuss, Bein*, фр. *piéd, jambe*. Аналогичным образом значение, покрываемое русским словом *часы*, в английском языке разделено между двумя словами *clock* (для башенных, настенных часов, будильников и т.п.) и *watch* (для ручных и карманных часов), не говоря уже о *sundial* – солнечных часах и *sandglass* – песочных часах. Значение русского глагола *надевать* в японском языке дробится на множество более частных значений разных глаголов: *kiru* – ‘надевать одежду’ (кроме брюк), *haku* – ‘надевать обувь, чулки, брюки и т.п.’; *kaburu* – ‘надевать головной убор’ *hameru* – ‘надевать перчатки, кольцо, браслет’, *shimeru* – ‘надевать пояс’; *kakeru* – ‘надевать очки, орден’ (причем все перечисленные глаголы значат ‘надевать на себя’; другая серия родственных им глаголов значит ‘надевать на кого-либо’). Значения русских глаголов *мыть* и *стирать* в английском языке не дифференцируются и обозначаются одним глаголом *wash* (во французском – *laver*); значению английского слова *cherry* в русском соответствуют два более частных значения слов *вишня* и *черешня*; для французского *verre* в русском языке нет общего названия, а есть более конкретные наименования *стакан* и *рюмка*; в шведском языке отсутствуют общие понятия ‘бабушка’ и ‘дедушка’, а есть только конкретные обозначения *farfar* ‘отец отца’, *morfar* ‘отец матери’, *farmor* ‘мать отца’ и *moremor* ‘мать матери’.

Широко известен факт, что во многих языках народов Севера (эскимосском, чукотском, ненецком и др.) существует порядка 40 названий

для разных видов снега: только что выпавшего, рыхлого, сыпучего, покрытого сверху замерзшей коркой, мокрых хлопьев снега и т.д. Все это в русском языке соответствует одно слово *снег*. В то же время в языке индейцев майя соответствующая область значений разработана еще менее подробно, чем в русском: там одно слово обозначает снег, лед и иней.

Примечание 3. Различная степень детализации в лексических системах разных языков может создавать трудности при переводе. Например, английское слово *cousin* может обозначать и двоюродного брата, и двоюродную сестру, причем более дифференцированные названия отсутствуют; по-русски же возможно сказать или *двоюродный брат*, или *двоюродная сестра*, так как нет общего названия для того и другого. Тогда как перевести на русский язык *He visited his cousin*, если в контексте не содержится сведений, брата или сестру он посетил? Та же трудность с переводом на английский язык русского предложения “Он был ранен *в руку*”: переводчик на английский язык вынужден выбрать *hand* или *arm*, но в оригинале может отсутствовать указание, в какую именно часть руки. И если для перевода художественного произведения подобная неточность ничего не меняет, то, когда переводится документальное или историческое произведения, переводчик вынужден искать более точные сведения в других источниках, так как в этом случае он не вправе сочинять или домысливать.

Как видно из примеров, это явление может рассматриваться и с другой стороны – как **разные уровни обобщения**. Языки различны не только подробностью разработки (детализации) отдельных смысловых областей, но и наличием или отсутствием обобщающих родовых понятий (гиперонимов). Так, в английском языке наряду со словами *grandfather* и *grandmother* существует общее название для бабушки и дедушки *grandparents* (как и нем. *Großeltern*, фр. *grands-parents*); в русском языке подобное родовое название отсутствует. В немецком языке есть общее название для братьев и сестер *Geschwister*, отсутствующее в русском, английском и французском языках. В языке аборигенов Тасмании нет родового названия ‘дерево’, но есть названия для разных видов эвкалиптов и акаций. В языке зулу не представлено общее название ‘корова’, а существуют отдельные названия для черной и рыжей коровы.

На основании подобных фактов многие исследователи XIX и даже начала XX века делали вывод о неразвитости абстрактного мышления, то есть способности к обобщению, у некоторых народов. Но в наше время, когда лингвистика располагает более обширным материалом, ясно, что причина не в этом. Во-первых, в так называемых “первобытных”, или “примитивных” языках (как их называли в XIX веке) достаточно родовых понятий, встречается и более высокая степень обобщения, чем в европейских языках; так, в одном из меланезийских языков существует общее название для всех летающих объектов, включающее и птиц, и летающих насекомых, и

летучих мышей, и самолеты, и летчиков, а в уже упоминавшемся языке индейцев майя общее название для снега, льда и инея.

Во-вторых, даже в латыни, которую никто не считал бы “первобытным” языком, до XIII века отсутствовало слово для родового понятия ‘растение’, а самыми общими названиями были *arbor* ‘дерево’ и *herba* ‘трава’ (слово *planta*, которое с XIII века стало обозначать растение, прежде значило ‘росток’, ‘побег’).

Точно так же “избыточность специфичных слов” (то есть конкретных) не свидетельствует о неразвитости абстрактного мышления, а коренится в условиях жизни народа. Нетрудно объяснить, почему в эскимосском и других языках народов Севера столь детализировано семантическое поле снега: снег и его состояния играют первостепенную роль в жизни этих народов (но не в жизни индейцев майя, которым даже нет необходимости различать снег, лед и иней). Примечательно, что в канадском варианте французского языка гораздо больше названий для разных видов снега, чем в европейском французском: канадцы чаще, чем французы, имеют дело со снегом. Точно так же в языках горских народов много названий для разных видов гор, а в меланезийских языках около 100 названий для разных видов банана, так как банан является основным продуктом питания, а выращивание бананов – основным занятием меланезийцев.

2) Разные границы между значениями. Различия в организации лексических подсистем разных языков не всегда можно охарактеризовать просто как разную степень детализации. Для наглядности можно представить графически фрагмент системы глаголов движения в русском и английских языках:

идти	ехать	
go		ride

Различие между русским и английским языком в этом случае нельзя охарактеризовать как более/менее подробное разделение – в обоих случаях вычлняются два элемента – но границы между ними не совпадают, в русском языке разделяются передвижение пешком (*идти*) и передвижение с помощью транспортного средства (*ехать*), а в английском языке передвижение верхом (*ride*) противопоставляется движению другими способами (*go*). Кстати, в немецком языке представлен еще один вариант разграничения; сравните:

идти	ехать	
go		ride
gehen	fahren	reiten

Аналогичное различие наблюдается при сопоставлении фрагмента системы цветообозначений в английском и валлийском языках:

green gwyrdd

blue glas
grey

brown llwyd

Похожую картину дает сопоставление русских и французских обозначений температурных ощущений.

холодный	теплый	горячий
froid	tiède	chaud

3) Лакуны, то есть лексические пробелы (gaps).

Нередко для слова одного языка нет никакого соответствия в другом языке; то есть то, что имеет название в одном языке, может никак не называться в другом. Так, например, в английском языке нет слова, соответствующего русскому слову *погорелец*; нет и соответствия русскому слову *удаль* и многие другие. В русском языке нет явного соответствия английскому слову *glimpse*, так же, как нет соответствий французским словам *aoûtiers* ‘те, у кого отпуск в августе’ или *couloiriste* ‘собиратель слухов в кулуарах парламента’. Хотя на любом языке можно в принципе выразить любое содержание, не для любого содержания имеется готовая форма.

При переводе некоторые лакуны могут передаваться описательными выражениями, как вышеприведенные французские слова; во многих случаях это крайне сложно, особенно применительно к абстрактной лексике, значительная часть которой связана с особенностями национальной культуры и менталитета (таково, например, уже упомянутое слово *удаль*; часто в этой связи упоминается и слово *авось*).

Характерен пример из перевода “Евгения Онегина”. В. Набоков снабдил свой перевод на английский язык комментарием, в котором, кроме прочего, привел свои размышления о переводе строк:

Она в семье своей родной
Казалась девочкой *чужой*.

Перебирая английские эквиваленты русского слова *чужой*: 1) *somebody else's*; *another's*; 2) *strange*, *foreign*, *alien*, – Набоков утверждает, что ни одно из них не передает оригинала в полной мере; и далее дается комментарий, в котором приводятся примеры аналогичных образов в литературе романтизма,

чтобы читатель мог представить себе, о каком характере идет речь. Таким образом невозможность адекватного перевода была компенсирована ассоциативным комментарием.

4) Общие характеристики лексических систем.

Как уже говорилось, лексические системы в целом сложно сравнивать, так как они необозримы в полном объеме. Тем не менее можно выявить некоторые общие принципы их организации. Так, в русском языке выделяется несколько стилистических уровней лексики: (а) возвышенная лексика (*лик, вкушать*), (б) нейтральная лексика (*лицо, есть*), (в) сниженная лексика (*рожа, морда, рыло, харя* и т.д.; *жрать, лопать* и мн.др.); причем существует несколько уровней сниженности: так, *рыло, харя* более сниженные обозначения лица, чем *рожа*, а *жрать* – более сниженное и грубое слово, чем *уплетать*. Однако далеко не во всех языках лексика столь дифференцирована стилистически. Во многих языках вообще отсутствует пласт возвышенной лексики (например, в эстонском языке); во многих языках сниженная лексика не имеет градации, то есть не различаются разные уровни сниженности. В то же время существуют языки с более подробной и более четкой градацией возвышенной лексики – таковы многие языки Востока. Подобная дифференциация лексики, как правило, свойственна языкам с древней традицией книжной культуры.

Другие наблюдения, относящиеся к лексике отдельных языков, касаются общего характера лексических значений. В.Г. Гак в книге “Сопоставительная лексикология” пишет о более абстрактном характере французской лексики по сравнению с русской. Это можно увидеть на примерах предложений “Женщина *вышла* из комнаты”, “Птица *вылетела* из гнезда”, “Змея *выползла* из норы”, “Река *вытекает* из озера”. Всем этим русским глаголам во французских переводах соответствует один глагол *sortir*: “La femme *sortit* de sa chambre”, “L’oiseau *sortit* de son nid”, “Le serpent *sortit* de son trou”, “Cette riviere *sort* d’un lac”. В этих предложениях русские глаголы содержат указание не только на направление, но и на способ движения, тогда как во французском языке используется более общее название для передвижения без указания способа, то есть французское слово более абстрактно, так как содержит меньше конкретных признаков. В литературе также встречаются аналогичные наблюдения относительно более абстрактного характера французской лексики по сравнению с немецкой и английской.